

ПОЭТИКА «РАССКАЗА О БРОДЯГАХ» В. Г. КОРОЛЕНКО «СОКОЛИНЕЦ»
(1885): СУБЪЕКТНАЯ СФЕРА, СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СИСТЕМА,
ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ / ЧУЖОЙ (ДРУГОЙ)»

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Аннотация: в настоящей статье анализируется рассказ В. Г. Короленко «Соколинец» с точки зрения нарратологии, что высвечивает важные аспекты сюжетно-композиционной системы, позволяет выявить функцию оппозиции «свой / чужой (другой)» и, в конечном итоге, дает возможность уточнить суть некоторых идеологических принципов писателя: о стремлении человека к свободе, об отношениях личности и общества.

Ключевые слова: Короленко, рассказчик, analepsis, prolepsis, образ «другого», жанр, свобода.

Abstract: this article analyzes V. G. Korolenko's story «The Sokolins» from the point of view of narratology, which highlights important aspects of the plot-compositional system, allows us to identify the function of the opposition «one's own / someone else's (other)» and makes it possible to clarify the essence of some of the ideological principles of the writer: about a person's desire for freedom, about relationships individuals and societies.

Keywords: Korolenko, narrator, analepsis, prolepsis, the image of the «other», genre, freedom.

В. Г. Короленко прожил сложную и яркую жизнь, стяжал славу бунтаря, борца за свободу, справедливость и достоинство человека, заслужил репутацию автора произведений «об отношениях властных структур и личности, попавшей в острог и отправленной в ссылку» [9, 64]. В 1879 г. за революционную деятельность писатель был сослан в Вятскую губернию, а впоследствии, в 1880 г., за «самовольную отлучку» свободолюбивый Короленко отправился в Западную Сибирь. На этом злоключения не закончились, и бунтарь, некоторое время находившийся в томской тюрьме (1880–1881 гг.), оказался на поселении в Перми. В 1881 г. Короленко прибыл (разумеется, не по своей воле) в Амгинскую слободу (Якутия), и многие реалии сурового края нашли свое отражение в произведениях о бродягах, каторжанах, острогах.

Как видно, «Соколинец» — рассказ автобиографический, в свое время он пользовался большой популярностью и получил признание в либерально-демократических читательских кругах. Было отмечено и мастерство Короленко, например, А. П. Чехов сообщил автору следующее: «Ваш “Соколинец”, мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подска-

зываются художнику его инстинктом. Вообще в Вашей книге Вы такой здоровенный художник, такая силища...» [8, 176–177].

Композиционно «Соколинец» создан как «рассказ в рассказе», поскольку «первый рассказчик» («открыто организующий своей личностью весь текст» [3, 34]), *политический* ссыльный, включает в свое повествование историю о побеге с Соколиного острова «второго рассказчика», *неполитического* ссыльного, бродяги Василия. Герои, конечно же, различаются и манерой повествования, и социальным происхождением, но есть и нечто общее, что для самого Короленко чрезвычайно важно. Взаимодействие двух носителей речи создает некую «конфигурацию голосов», которая интерферирует с «конфигурацией эпизодов», если под *эпизодом* понимать «участок текста, характеризующийся единством места, времени и состава действующих лиц» [7, 37]. Система эпизодов, связанная с бытом «первого рассказчика», прообразом которого является сам Короленко, тяготеет к мимесису, характеризующемуся повышенной образностью: читатель получает возможность ознакомиться со своеобразной тропикой (соединение эпитетов и «логических» определений (в терминологии Б. В. Томашевского) с метафорами), рисующей достаточно мрачную картину одиночества и безрадостной жизни в *чужой* стороне. Открывающие экспозицию рассказа «тяжелые впечатления молчания и мрака»,

«неуклюжий пенат якутского жилья» (о камельке), «мертвящий якутский мороз» [4, 94] поддерживают «создание саспенса» [6, 348], характерного для *пролепсиса* (по учению Ж. Женетта, это «опережающее» повествование, предвосхищение событий). Зловещий северный пейзаж, интерьер убогой юрты, тоска, тревога, ощущаемые «первым рассказчиком», поддерживают утверждение о том, что пролепсис «побуждает к предугадыванию ответов, которые в будущем приведут к разгадке тайны» [там же]. *Тайна* в данном случае — это прошлое людей (каторжан, ссыльных, бродяг), попавших на Север не по своей воле, мотивация их поступков.

Неожиданный ночной визит в одинокую юрту «бродяги» Василия знаменует появление «таких эпизодов», которые представляют «нарративную артикуляцию повествованием диегетической цепи событий повествуемого мира» [7, 37]. Диегезис характеризуется, как известно, «буквальным» описанием определенной *истории* (например, побег с острова, носящего «говорящее» название Соколиный), и здесь уже вступает в силу сказовая манера повествования с ее просторечиями («конину жрут», «падаль, прости господи, и ту трескают... тьфу»), установкой на устную речь («Наша-то сторона, Расея...»), что обуславливает *аналепсис* (рассказ об уже произошедших «реальных» событиях), который, в частности, «в русской криминальной прозе» уходит от мистики и акцентирует «социальные факторы», делающие «преступление неизбежным» [6, 348]. Если «первый рассказчик» сослан за политические убеждения, то Василий явно погружен в преступную среду, связанную с незаконной добычей золота, продажей спирта, общением с подозрительными личностями, которые воруют, разбойничают и безвозвратно отдаляют его от прошлой жизни (когда он еще «родителей слушал»).

«Диегетическая цепь событий» связанного с «бродягой» и им же *рассказанного* мира тяготеет к изображению «наиболее распространенных мотивов художественной прозы Короленко», а именно: «дороги, встречи, свободы» [1, 38]. Указанные мотивы правомерно рассмотреть с «физической точки зрения», то есть «положения в пространстве» [3, 21] субъектов речи, имеющих различное «поле зрения» [там же], находящихся в разной степени отдаления от описываемого ими, что меняет ритм повествования, определяет эмоциональный тон и нравственную оценку происходящего.

Физическая точка зрения характеризуется «не только удаленностью носителя речи от изображаемого предмета, но и так называемым углом зрения, то есть их взаимным расположением в пространстве» [3, 22]. От недоверия к гостю незнакомому и сначала невидимому (пока Василий привязывал лошадь на улице) и даже от опасения общения с человеком, «прошлое которого запятнано кровью» [4, 97], «пер-

вый рассказчик» переходит к другому настроению. Перешагнувший порог юрты человек предстает привлекательным, располагает к доверию и общению: «Когда он откинул свой трех на плечи, я увидел молодое, раскрасневшееся от мороза лицо мужчины лет тридцати» [4, 98]; «Я действительно знал Василия по слухам <...> он был одним из немногих, предпочитавших трудовую жизнь» [4, 101].

Рассказ Василия о побеге и жизни на Севере в целом расширяет художественное пространство произведения, у читателя возникает ощущение, что он видит этот суровый край «сверху», с высоты полета птицы (ведь герой — «соколинец!»). Динамичное повествование о приключениях беглеца наполнено интереснейшими подробностями незнакомого нам быта: об особенностях якутских лошадей, о характере добродушных якутов (чьи юрты овевались ветрами с «Великого океана»), о лихих всадниках-татарах («поклонники Магомета»), об «унылой красе» края, где «снега уходили вдаль ровною пеленой, чернела гребнем тайга, синели дальние горы» [4, 133]. Отметим, что обширная топонимическая сфера (поле художественной деятельности «концептированного» автора) несколько противоречит ощущениям безысходной тоски, охватившей обоих рассказчиков («Холодно и жутко... Ночь притаилась, охваченная ужасом»; «лицо Василья сохраняло пасмурное выражение»). Упоминания об Японском море, Лаперузове проливе, Сахалине, порте Дуэ, Тархановой заимке, Николаевске, Дикманской пади, Иркутске, реках Учур и Алдан добавляют повествованию объективности, а «просветительские» примечания автора (лексика «чужого» языка: догор — друг; улус — округ; бергес — шапка и пр.) отделяют его от персонажей, призывают поверить, что этот далекий край по-своему, безусловно, интересен, красив и манит настоящих путешественников, не боящихся трудностей.

Отметим, что «топонимический текст» тяготеет к *итеративному* повествованию («один нарративный фрагмент охватывает вместе несколько случаев одного и того же события» [2, 356]), что приближает рассказ к бытописанию и даже к документальной прозе, показывает интерес самого автора (Короленко) к не такому уж «унылому» и откровенно «враждебному» для его героев Северу. Но эмоциональная окраска рассказа Василия, конечно, отмечена *сингулятивом* (один раз изложено то, что случилось однажды, по женеттовской формуле — 1П/1И), что роднит ощущения «бродяги» и интеллигентного рассказчика-ссыльного, обуславливает доминирующее настроение тревоги, ожидание опасности, мысли о безысходности: «Навсегда... в этом гробу, навсегда!» [4, 95].

В «Соколинце» заслуживает пристального внимания изображенное *время* (повествование «первого рассказчика», «второго рассказчика», а также время «совершения действия» [3, 24] Василием (одним из героев), его мытарств. «Первый» субъект речи отмечен

положением в хроносе, которое назовем «сейчас», «второй» также повествует «сейчас», но о прошедших событиях (побег, убийство охранников, путешествие по тайге). Рассказ «бродяги» позволяет автору «концепированному» ввести множество персонажей (арестанты, «бывалый» бродяга Буран, «гиляк» (представитель северной народности) Оркун, лихие черкесы, добрый старичок-чиновник Самаров, верный товарищ Ахметка и другие), что делает «многонаселенный» рассказ ярким, «живым», наполненным «сочными» деталями, раскрывающими характеры представителей многонационального сибирского населения. «Первый» рассказчик, казалось бы, дистанцируется от этой разнородной и небезопасной публики (можно встретить «взламывавшего замки, воровавшего лошадей или проламывавшего темной ночью головы ближних» [4, 97–98]), но при этом «чужие» (например, Василий) все-таки чем-то очень близки интеллигентному и образованному ссыльному, томящемуся в дальней стороне, мучимому «неразрешимым» вопросом: «Я забыл о том, что привело его в тюрьму и ссылку <...> Я видел в нем только молодую жизнь, полную энергии и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?» [4, 134].

«Неразрешимые вопросы», не дающие покоя обобщенным рассказчикам, могут получить ответы при рассмотрении «идейно-эмоциональной» точки зрения, в частности, через оппозицию «свой / чужой (другой)». Как известно, «любой отрывок художественного текста является оценочным», так как в нем «в той или иной степени раскрывается идейно-эмоциональная точка зрения, которая выражается через отношение субъекта речи к описываемому, изображаемому, а в конечном счете — к действительности» [3, 27].

Выше отмечалось, что понятия «свой» и «чужой» (иногда более нейтрально — «другой») предстают как достаточно неопределенные и размытые множеством деталей, дополнительных оттенков и сомнений, высказываемых персонажами. С одной стороны, «первый рассказчик» обозначает границу между «родом с Урала», временно обзаведшимся хозяйством (изба, засеваемое им поле, корова) *бродягой* Василием и «нашею братиею, интеллигентными людьми, заброшенными судьбой в эти далекие страны» [4, 101]. Сам бродяга имеет два имени и сообщает, что «по-здешнему» он зовется Багылаем, а «по-расейски» («настоящее-то») — Василием, и это показывает, что он не равен самому себе, его удовлетворенность своим оседлым, «законным», положением на самом деле мнимая.

Образованный, интересующийся местными нравами рассказчик сообщает, что доброжелательные якуты оказывают поселенцам значительную помощь (чтобы те не стали разбойниками и не доставляли хлопот), при этом, не совсем доверяя им, стараются поскорее выпроводить «чужаков» на прииск и так из-

бавляются от «неудобных граждан». Отмечается, что «в глаза» называют бродягу Василием Ивановичем, а «за глаза» — Васькой. Как видно, и таким образом подтверждается указанная оппозиция.

Быт сибиряков сильно отличается от «расейского», и это не радует Василия, воспринимается как «чужой» (неприемлемая пища, разное содержание лошадей), однако именно «гиляки»-рыбаки спасли голодных беглецов, дав им рыбы на уху. «Своими» оказались старичок-чиновник Самаров (специально приплывший на лодке к неосторожно разведшим огонь бродягам), купец Тарханов, щедро снабдивший их пищей, а «чужим» стал охранник кордона Салтанов («из нашего-то брата не один от него смерть себе получил» [4, 122]). Другими становятся черкесы, русские и татары, они, по словам Ахметки, «товарища», «вместе бродяга ходил». И это уже другое отношение к понятиям «чужие» и «свой».

Показательно переходит роль рассказчика от Василия и его товарищей (осужденных преступников, беглецов) к «интеллигентному» ссыльному, что в тексте маркировано сменой повествования — от сказа к несобственно-прямой речи и предложениям «первого рассказчика». В небольшом фрагменте может присутствовать реплика, переполненная просторечиями («Износился ты аль нет, это дело твое. Не дойдешь, помрешь в дороге, — за это никто не завинит; а ежели ты подвел одиннадцать человек под плети, то обязан идти» [4, 113–114]), а с ней соседствует явно ироничное заявление, принадлежащее собеседнику Василия-Багылая («Что же, небось весело было в путь отправляться?» [4, 114]). Несобственно-прямая речь (в сочетании с выделенным кавычками отрезком текста), обозначающая отношение к происходящему двух рассказчиков, также часто присутствует в «рассказе бродяги»: «Беглецы “стали на молитву”, отслужили нечто вроде молебна на этот случай по особому арестантскому уставу, попрощались с Бобровым и двинулись в дорогу» [4, 114]. Само *сближение* серьезного отношения Василия к молитве перед грядущими преступлениями, даже убийствами и явно ироничной оценки, исходящей от «первого рассказчика» и самого автора («нечто вроде молебна»), свидетельствует о том, что их всех объединяет: стремление к свободе и ненависть к неволе. Неслучайно ссыльный «интеллигент» признался, что рассказ бродяги и убийцы «кровь взбудоражил» в нем, потому что от него веяло «поэзией вольной волюшки», «пахнуло ... призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи» [4, 134]. Данный миметически (образно) выраженный гимн свободе, подытоживший «нарративную артикуляцию <...> диегетической цепи событий» [7, 37] страдальческой бродяжьей жизни, унылого быта ссыльных, становится точкой сближения столь разных персонажей. Видимо, отсюда происходит справедливый вывод исследователей твор-

чества Короленко о том, что этот писатель, много рассказавший о человеческих страданиях, вовсе не хотел, чтобы читатель вынес из его произведения ощущение тоски, мрака, безысходности и отчаяния [см. об этом: 5, 18–26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вечерок О. Н. Жанрово-стилевое своеобразие художественной прозы В. Г. Короленко / О. Н. Вечерок. — Полтава: ПолтНТУ, 2014. — 142 с.
2. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. — Т. 1–2 / Ж. Женетт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с. [<http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru1-2-1998-1.pdf> [Дата обращения: 16.12.2022 г.].
3. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.
4. Короленко В. Г. Рассказы / В. Г. Короленко. — М.: Художественная литература, 1983. — 352 с.
5. Михайлова М. В. Элементы «нового реализма» в поэтике рассказа В. Г. Короленко «Не страшное» (1903 г.) / М. В. Михайлова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2003. — № 4. — С. 18–26.
6. Рейтблат А. И. Дореволюционная русская уголовная проза глазами нарратолога (Рец. на кн.: WHITEHEAD S. THE POETICS OF EARLY RUSSIAN CRIME FICTION 1860–1917: DECIPHERING STORIES OF DETECTION. CAMBRIDGE, 2018) / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. № 3 (175), 2022. — С. 343–350.
7. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь: ТГУ, 2001. — 60 с.
8. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 11. Письма. 1877. — 1892. — М.: ГИХЛ, 1956. — 702 с.
9. Шпиляева Г. А. К вопросу о нарративных стратегиях Ф. М. Достоевского, Н. М. Соколовского, А. П. Чехова (тюрьма, ссылка и каторга в документальной и художественной литературе второй половины XIX века) / Г. А. Шпиляева, В. А. Бондаренко, О. А. Горбачевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2021. № 2. — С. 64–70.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбачевич О. А., аспирант Воронежского государственного педагогического университета

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

Email: 19alex04@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., Postgraduate Student*

*Jilin State Pedagogical University (China)
Skobelev D. A., Candidate of Philology, Lecturer
Email: 19alex04@mail.ru*